Алексей Багринцев

* * *

Он приезжал обычно в мае
откуда-то издалека.
Шутил, что комнату снимает
просторную
у лешака.

Он покупал харчи в деревне
и шел к затону босиком.
Он нам казался очень древним
волшебно-добрым стариком.

Он жил все лето у затона
в духмяно-тесном шалаше.
И говорил, что даль за Доном
ему, бродяге, по душе.

Но был рассеяно-задумчив,
когда по строчкам козьих троп
угадывал на белой круче
другим не видимый окоп.

Туда наведывался часто,
бродил по круче меж камней…
Он, видно, с юностью встречался —
с окопной юностью своей.

Ему нещадно в девятнадцать
огнем здесь юность обожгло…
И потому уже расстаться
с землею этой тяжело.

Егор Исаев

ПРЕДЧУВСТВИЕ

— По вагонам… —
Вдоль вагонов
Голос подан.
Сталь гудит.
Перегон за перегоном.
Запад севером глядит.
И тепло кругом, а в сердце
Темный тлеет холодок,
Как в уборку на погребце
Под опилками ледок.
Тот, речной, что для остудки
Заготовлен был с зимы…
На закат вторые сутки
Едем, стриженые, мы.
Едем, песни распеваем,
Горлопаним — грудь вперед —
И как знать про то не знаем,
Что он есть такое, — фронт.
И как будто страху нету, —
Выполняй, солдат, приказ.
А убьет кого, так это
Не кого-нибудь из нас,
А кого-то в промежутке
Между нами, чью-то тень…
Голоса все глуше,
Тише.
Вздох тревожней,
Строже взгляд.
Фронт все ближе,
Ближе,
Ближе…
Руки ищут автомат.

Павел Касаткин

9 МАЯ, 1945-й

Бросая наземь дыма сгустки
На утихающем ветру,
Наш поезд
в каменном Иркутске
Остановили поутру.

Мы, не снимавшие погоны,
Вслед за пронзительным свистком

Поспешно вышли из вагона
За долгожданным кипятком.

Пыхтел последними парами
Перрона дальнего «титан»,
Когда над сонными горами
Подал свой голос Левитан.

Слова чеканней, звонче меди
В тот час услышала тайга
Об окончательной победе,
О поражении врага.

Судьбой суровой бережены,
Мы обнимались горячо.
И чьи-то матери и жены
Роняли слезы на плечо.

Победа ввысь взметнула знамя,
Свинец меняя на дожди.
Она была уже за нами…
А что там будет впереди?

В громах, в железном урагане,
Сняв с пушек плотные чехлы,
Еще нам биться на Хингане,
Где гнезд не вьют себе орлы.

Тайгой, где рыси да медведи,
Где каждый куст к врагам жесток,
Мы от одной к другой Победе
Передвигались на восток.

Бросая выше дыма сгустки
На майском солнечном ветру,
Наш поезд в каменном Иркутске
Стоял недолго поутру.

Василий Кубанев

ВАЛЕ

Ты вздыхаешь в подушку, и тут
Сновиденья садами цветут,
И не счесть, и не счесть за окном
Алых роз на лугу голубом.

Вот ракета, рассыпавшись, вниз
Покатилась одна, и горнист
Вдалеке за безмолвным холмом
Ей в ответ прохрипел петухом.

Он других будоражит собой;
Он живых созывает на бой.
Тут и там, тут и там, за холмом
Все готовятся к схватке с врагом.

Из-за края земли сквозь туман
Краснобокий ползет барабан.
И солдаты — им все нипочем —
Бьют в него раскаленным лучом.
Толпы пеших и конных чуть свет,
Тучей пыли скрывая свой след,
Предстоящим кипя торжеством,
За твоим прогрохочут углом.

Провожая печально их в путь,
Ты не сможешь вторично уснуть.
И у двери и ночью и днем
Будешь ждать их в жилище своем.
Ты разыскивать ринешься их,
Неизвестных знакомых своих.
Тем кровавым корявым путем
Мы с тобой, спотыкаясь, пройдем.

Твою резвую жизнь сторожа
От чужого и злого ножа,
Я хочу в путешествии том
Послужить тебе верным щитом.

Но пока не собрались войска,
И секунда борьбы далека,
Словно елка, блестят высотой
Стаи звезд над густой темнотой.
Сон твой сладкий последний храня,
У преддверия бурного дня,
Я б хотел на окошке твоем
Зазвенеть на заре соловьем.

1941

Николай Плаксенко

ФРОНТОВОЙ ЭШЕЛОН

Замолчали колеса,
Вздрогнул старый вагон —
И застыл у откоса
Фронтовой эшелон.

Полустанок разбитый,
Заболоченный край...

«Эх, пока не убиты,
Гармонист заиграй!»

У железной дороги,
У обугленных хат,
Отодвинув тревоги,
Лихо пляшет солдат.

Но свисток паровоза
Перепляс оборвал —
Эшелонная проза:
На посадку сигнал.

Смолкла разом тальянка,
Гулко дрогнул вагон —
И ушел с полустанка
Фронтовой эшелон.

Над болотами вечер,
Только запад в огне.
И уносит нас ветер
Навстречу войне.

Михаил Просянников

НА ЛЕТНОМ ПОЛЕ

Как тягостно, как медленно идут
Последние минуты ожиданья...
Друзья его на летном поле ждут,
А он не возвращается с заданья.

И все померкло, помертвело вдруг.
Они глазами небо измеряют,
И ловят чуть проклюнувшийся звук,
И с тайною надеждой замирают.

Ругают фрицев яростно и зло
И смотрят друг на друга виновато.
Ужель на этот раз не повезло?
Ужели не вернется он, ребята?

И понимают сердцем и умом,
Что не вернуть, наверное, пилота,
Но говорят о нем,
как о живом,
И все еще надеются на что-то.

У них давно вошла привычка в быт:
Чтоб не спугнуть надежду, вероятно,
О летчике не скажут: «Он убит»,
А говорят:
«Не прилетел обратно...»

* * *

Он не давал нам, гад, покою,
Подстерегая каждый шаг,
Кружил, как ястреб, на рекою,
Где мы сидели в камышах.

С крестами, свастикой паучьей,
Грозил смертельною бедой,
Взлетал и прятался за тучей,
То мчался низко над водой.

Он сатанел в свирепой силе,
Еще не знал про свой удел,
Что уж зенитчики ловили
Его в оптический прицел.

Строчил в камыш из пулемета
И рвал на части неба шелк...
Но вдруг споткнулся обо что-то
И, накренившись, вниз пошел.

И мы «ура» кричали смело,
В воде от холода дрожа,
Когда, взбухая, зачернела
За ним упругая вожжа.

Она тянулась до предела,
Не отпуская самолет,
Как будто все еще хотела
Продлить разбойничий полет.

Ольга Кожухова

МОЙ ГОРОД

Я не могу себе представить
Мой город — раненый, больной,
Трамвай, идущий от Заставы,
Застигнутый в пути войной.
Театра скорбные колонны,
И груды щебня позади,
И толпы женщин утомленных,
С детьми, прижатыми к груди...

Воронеж! Город белых улиц,
Окраин пышные сады,
Вот тополя его, сутулясь,
Окутались в огонь и дым…
Он плыл рекою голубою,
Он солнцем огненным сверкал
И отражал меня с тобою
В озерах уличных зеркал…

Теперь там мертвые колонны,
Глазницы черные домов,
Но, взорванный и опаленный,
Он нашу заслужил любовь
За то, что встал могучей силой,
Врагов под пеплом погребя,
Еще обширней и красивей,
Воронеж, выстроим тебя!

Станислав Чернышев

НА ЗАДОНСКОМ ШОССЕ

Гуще — запах полыни, и робко проклюнулась мята.
На Задонском шоссе даже травы цветут виновато.
Даже птицы спешат облететь неуютное место,
где гнетет тишина
и где в горле дыханию тесно.

Нет покоя душе
и не жди тут душевной отрады.
На Задонском шоссе умирали когда-то солдаты.
Припадали к земле побуревшей небритой щекою.
только мертвым бойцам разрешалось
уйти с поля боя.

А куда им идти?
Кто — в металле,
кто — в камне,
кто — в песне —
тут они, на Задонском,
прописаны с памятью вместе.
И опять достаем довоенного года альбомы —
до чего ж молодых
присылали сюда военкомы!

И того старшину я совсем не признаю,
наверно,
что приходит сюда, проводя поименно поверку.
Только ветер качнется кому-то навстречу
и листва отзовется почти человеческой речью
на Задонском шоссе.